

Дней в Англии

(Окончание.
Начало в №№ 272, 273).

Мы проходим по колледжам двух знаменитых университетских центров страны. Любуемся готикой соборов, благоговейно ловим звуки органа, — играет кто-то из студентов, — заглядываем в уютные уголки садов, окруженных, средневековой каменной оградой, смотрим в окна студенческих келий, где видим листки конспектов, разбросанные по столу, и мягкую мебель, мы проходим по огромным столовым, где служители убирают с длинных полированных столов посуду, нам рассказывают о библиотеке одного из оксфордских колледжей, где старинные книги прикованы цепями, мы входим в театр, где студентам обычно вручают дипломы, где чествовали Шостаковича, Ойстраха, удостоенных почетных званий Оксфордского университета, а в Кембридже среди многих достопримечательностей нам показывают яблоню, которая, согласно легенде, выросла из семечка яблока, упавшего на голову Ньютона.

Все это интересно, неприятно, глубоко западает в сознание. Но мы лишь мимолетно видим студентов, о которых говорят, что они в большинстве своем консерваторы, и этому приходится верить: ведь многие из них — выпускники аристократических колледжей в Итоне и Харроу, а кроме того в Англии существует строгая система отбора и воспитания детей уже после окончания начальной школы. В ней дети учатся от пяти до одиннадцати лет и только «наиболее успевающие» (а это, в основном, дети состоятельных, интеллигентных родителей) попадают в т. н. грамматическую школу, откуда прямая дорога в университет. Остальные же дети учатся в обычных школах, где «догоняют свой возраст» и где они получают лишь неполное среднее образование. Поэтому, например, в Лондонском университете процент детей рабочих минимален, а что касается женщин, то их только 34 процента. В Оксфорде из 54 колледжей лишь 4 женских, а в Кембридже из 28 — 3 женских и 5 смешанных. Закон о равноправии полов пока отступает здесь перед многовековой традицией.

Лейбористы и коммунисты составляют среди студенческой молодежи меньшинство. Но в то же время они наиболее активны и дисциплинированы и потому чаще выигрывают кампании, чем консерваторы. И, когда правительство в условиях кризиса хотело закрыть некоторые колледжи, студенты заняли эти здания и отстояли свои права.

Мне хотелось бы обратить внимание на одну важную особенность высшего образования в Англии. У каждого студента есть тьютор — воспитатель, который обязан уделять своему подопечному два часа в день. Особенно он следит за тем, чтобы его воспитанник развивал свою речь.

При поступлении в университет наряду с экзаменами, проводится интервью-собеседование, где устанавливают степень общего развития молодого человека, и тот, у кого «язык хорошо подвешен», имеет все преимущества перед теми, кто не обладает этим качеством: он принимается в университет даже при более низком среднем балле.

Над этим стоит поразмыслить. И не здесь ли, кстати, лежит ключ к решению одной из важных проблем нашего времени — проблемы общения?..

3.

Из Оксфорда мы направились в Стратфорд-на-Эйвон, в город, где родился и умер Шекспир. Город сохранил свой

средневековый план и отчасти свой прежний облик — многие его дома выдержаны в стиле елизаветинской архитектуры. Здесь всюду чувствуется культ Шекспира: именами шекспировских героев названы не только гостиницы, но и номера в них; забавно, что существует даже туалет «Ромео и Джульетта»...

Ежегодно в Стратфорд совершают паломничество миллионы туристов. Они идут в тесный и приземистый домик Шекспира, поднимаются по скрипучей лестнице в спальню, где стоит заветная колыбель, пытаются вообразить себе, как тут было все на самом деле, — ведь, к сожалению, не сохранилось подлинной мебели Шекспира. До организации музея, предпринятой в середине XIX в. группой прогрессивных людей во главе с Диккенсом, в доме жили потомки великого драматурга, и тогда показывалась лишь комната, где он родился. Создатели музея провели аукцион вещей Шекспира, собрали в музей все, что поступило на продажу. Сейчас в ряде комнат второго этажа разместились экспозиция, в которой есть первое издание сочинений Шекспира 1623 г., сборник пьес Бена Джонсона, где среди исполнителей ролей указан актер Шекспир. Во дворе дома разбит садик, и в нем высажены все породы цветов, упомянутые в его произведениях. А недалеко от дома расположен Шекспировский центр — современное здание из стекла и бетона, в котором находится библиотека, архив, читальный зал.

Мы идем в церковь св. Троицы, где Шекспир похоронен. Над могилой в стене вделан его цветной бюст с гусиным пером в руках. На могильной плите высечены слова: «Добрый друг, кто бы ты ни был, ради Христа, не тревожь праха почивающего здесь, благоден, кто пощадит эту плиту, и проклятие тому, кто потревожит мои останки». Шекспир словно предвидел, что его могила не останется неприкосновенной: у жителей Стратфорда возникло опасение, что тело Шекспира может быть увезено в Вестминстерское аббатство, и ради выполнения завета своего великого земляка они «потревожили его останки» и выкопали ему могилу в 17 футов глубины.

Петляя по улицам Стратфорда, автобус замедляет ход возле здания грамматической школы, в которой Шекспир учился, и подъезжает к дому, где до брака жила жена Шекспира Анна Хаттэй. В этом доме под соломенной крышей, покрытой сверху мельчайшей металлической сеткой, сохранилась подлинная обстановка XVI в., и экскурсовод даже показывает скамью, на которой Шекспир «любезничал» с Анной.

Гордостью Стратфорда является также Шекспировский театр, выстроенный в конце XIX в. Правда, его постигла та же участь, что и шекспировский театр «Глобус»: он сгорел. Это случилось в 1926 г., но уже через шесть лет театр был восстановлен. Он выстроен из темного кирпича в строгих пропорциях и отдаленно напоминает средневековый замок. Внутри он вполне современен, хотя тоже строг и суров. Кирпичные стены фойе украшены огромными фотографиями шекспировских героев, витые лестницы ведут наверх, большие пространства не загромождены никакими предметами.

Мы проходим на сцену, и ведущий постановочной частью Майкл Хайет дает объяснения. Для спектаклей, как и во времена великого драматурга, используется открытая сцена; поверхность сценического пола постоянно на весь сезон. В Стратфорде ставятся

только пьесы Шекспира: этот театр как бы памятник ему. Правда, здание на три месяца в году сдаётся другим компаниям, а в филиале театра, Олдвиче, расположенном в Лондоне, идут пьесы и других драматургов, но это вынужденная необходимость: театр должен окупать себя, дотация от государства невелика. Аудитория здесь бывает со всей Англии, даже со всего мира, и остается пожалеть, что нашей программой не предусмотрен спектакль в Стратфорде.

И все же нам удается познакомиться с искусством шекспировского театра: мы смотрим в Олдвиче «Комедию ошибок». Действие комедии начинается уже тогда, когда зал постепенно заполняется зрителями. На открытой сцене появляются отдельные актеры, разговаривают между собой, расставляя мебель, перебрасываются репликами с оркестром, который рассаживается на веранде в глубине сцены. Перед нами уголок улицы небольшого южного городка, над входом в дом развешены яркие, разноцветные плакаты, создающие впечатление праздничности, маскарадности того, что здесь произойдет. Кстати, герои оказываются одетыми в современные костюмы, — разве что одежда обоих Дромио напоминает вневременной клоунский наряд, и, следовательно, все происходящее в спектакле есть продолжение того, что происходит в зале, хотя одновременно это маскарад, праздник, буйное веселье, в которое включаются и зрители.

«Комедия ошибок» поставлена как современный мюзикл, где много песен, танцев и пантомимы, где исполнители не останавливаются перед любыми трюками, площадными шутками и буффонадой. Поначалу это воспринимается, как нарушение акуса и чувства меры, но постепенно начинаешь принимать эту манеру, тем более, что захватывает гомерический хохот зрительного зала. И становится понятным замысел постановщиков: для них, как и для Волтера, Шекспир — «генеральный варвар», который никогда не заботился о приличиях, — он стремился к тому, чтобы в его пьесах хлестал бурный, все сметающий поток жизни, в котором мешалось бы возвышенное и низменное, трагическое и смешное. И поэтому, если ставить комедии Шекспира, так уж не бояться крайностей. И публика прекрасно понимает своих актеров.

Мы смотрели в Национальном театре спектакль «Дом Мадраса» по пьесе английского драматурга конца прошлого века Бака. Действие спектакля замыкалось в стенах обители Мадраса, и актеры почти все время сидели в креслах и разговаривали. Не зная языка, мы могли лишь оценить органичность поведения актеров, их умение вести диалог так, как будто публика вовсе не существует, между тем как зрители хохотали чуть ли не после каждой реплики. В этом случае мы, естественно, могли принять лишь на веру обостренное чувство юмора англичан. Другое дело — «Комедия ошибок», содержание которой нам известно, и комедийные эффекты которой не нуждались в переводчике. Тут мы вполне могли оценить непосредственность, отзывчивость, раскованность зрителей, отсутствие у них чопорности и снобизма.

Программой нашей поездки предусмотрено посещение центральной школы драмы и ораторского искусства. Директор этой школы мистер Аллан, веселый и демократичный человек, в беседе с нами рассказывает о воспитании будущих актеров. Он подчеркивает, что в своей работе они более всего опираются на метод Стани-

славского. Своей первейшей обязанностью они считают внимательное отношение к личности учащегося, стремление выявить его индивидуальность.

Актеры учатся три года. Финансовое положение школы не позволяет ввести четвертый курс, который позволил бы студентам изучать такие предметы, как психология, история театра и т. п. Для студентов непростая проблема — устройство на работу, особенно в обстановке спада экономики в стране. Руководство школы предлагает максимальные усилия к тому, чтобы заполнить место в театре для своих выпускников.

В современном английском театре существуют три основных направления — классическое, современное и экспериментальное. Все три представлены в Национальном театре, где одновременно функционируют три зала — на 1100, 890 и 400 мест. При этом один и те же актеры играют в разных залах, пробуя себя в различных стилях и жанрах. «Дом Мадраса» шел в самом большом зале. Это был откровенно традиционный спектакль, поставленный без малейшей модернизации, что проявилось уже в оформлении спектакля — комната в особняке Мадраса была воссоздана со всеми бытовыми подробностями, с величайшей достоверностью, даже двери закрывались, как и предполагается, со шкелканьем английского замка.

Мы заходим в зал экспериментальных постановок. Он весь отделан в черное, над игровой площадкой висят на проволоках металлические мусорные корзины — вместо электрических ламп. Трудно понять назначение этого, хотя известно, что в экспериментальном театре часто наблюдается стремление к опроизчению, огульному, депозиции обстановки, и одним из популярных зрелищ в Лондоне являются представления, которые даются на деревянном складе, где ящики заменяют декорации и бутафорию, — театр так и называется «Склад».

В районном театре Гринвича, который мы посещаем в предпоследний день нашего пребывания в Лондоне, тоже, по сути дела, три театра — наряду с традиционным, классическим, еще молодежный и кабаре. Молодежный театр адресуется более всего к школьникам и нередко вместе с ними ставит по сценариям импровизированные спектакли, в которых школьники выступают в качестве актеров.

Мы исследуем взгляды и интересы детей, и на этой основе пишем сценарии, — говорит ассистент главного режиссера. — Вот пример. У нас рабочий район. Мы берем 30 детей из зала — они выступают в роли представителей компании, а остальные в зале — рабочие. Затем, по ходу действия, администрация решает ввести на предприятии машину, а 10 человек уволить. И дети разыгрывают ситуацию, которая может ожидать их семьи в будущем. Дети играют во все это со знанием дела, увлеченно и всерьез.

— Ну, а кабаре? Для кого оно?

— Для тех, у кого не развит акус, и мы постепенно воспитываем этих людей, приближаем их к большому искусству. Наш театр играет роль культурного центра района. Это очень важно, так как Лондон подавляет, разобщает людей...

...На десятый день в Лондоне пошел дождь, словно провозжая нас. Мы улетали из этой страны, переполненные впечатлениями.

Расставаясь с нами в аэропорту, наш гид одновременно встречала очередную группу туристов из Москвы — на этот раз художников. А в марте театральные деятели Англии в количестве 40 человек летят в Советский Союз. Крепнут творческие связи между двумя нашими странами, и это главное впечатление, которое мы вывели из Англии.

Юрий ПОСТНОВ.